

Москвин
Иван
Михайло-
вич

Культура. — 1996. — 24 апр. — С. 13.

Такой московский Москвин

КНИГИ

Алексей БАРТОШЕВИЧ

Когда актеры Московского Художественного театра, готовившие постановку горьковской пьесы "На дне", отправились в свое знаменитое, много раз описанное, опасное и увлекательное путешествие в ночлежные дома Хитровки, на самое дно московской жизни, среди них не было Ивана Михайловича Москвина. Он не нуждался в этой экскурсии. Москва была ему известна сверху донизу и не понаслышке. Он родился в самом средоточии старой столицы, на Ильинке, в семье ремесленника, и прошел все университеты жизни городского простонародья. Это дало ему не только знание всех нехитрых тайн московского быта, но и, что много важнее для художника, — глубокое чувство сокровенной сущности города и народа, дух которого так полно в Москве выразился.

В своей книге о Москвине "И. М. Москвин (1874—1946)", выпущенной издательством "Искусство", Елена Ивановна Полякова чудесно передает краски, запахи и звуки московской старины, столько значившей для актера, с такою силой сказавшейся на его созданиях — от царя Федора, подарившего ему раннюю славу, до поздней его великой роли — Флора Федулыча Прибыtkова в "Последней жертве". Можно представить себе на подмостках петербургского Александринского театра Качалова, Книппер-Чехову, но только не Москвина. Он весь, "до кончиков ногтей", московский — сама его фамилия своего рода знак сути его творческой личности.

Бесчисленные нити, связывавшие искусство Москвина с исторической памятью и живой жизнью первопрестольной столицы, со всем многоликим бытом старой России, представлены перед взором читателя с щедростью, любовью и истинным вкусом. Чтобы сыграть Луку в пьесе Горького так, как сыграл его Москвин, нужно было не по книгам знать явление русского странничества, с молоком матери впитать древнюю традицию любви к каликам переходим, птицам Божьим, скитальцам, искателям "праведной земли", с их — что за прекрасное определение находит Е. Полякова — "домашним чувством истории".

Но к бытописанию не сводилось. Е. Полякова помещает сценические создания Москвина в историческую среду развития высокой традиции отечественной культуры, в круг явлений русской живописи, например, — и тогда тот же царь Федор или пушкинский

Самозванец, сыгранные актером, обнаруживают близость к героям полотен Сурикова. Один из главных сюжетобозначающих мотивов книги — естественное сродство лиц, сотворенных на сцене Москвиным, и образов русской литературы, более всего — Льва Толстого и Достоевского: отнюдь не только тогда, когда речь идет о ролях Федя Протасова или капитана Снегирева.

У Москвина редко получались персонажи западных пьес — исключение, правда, блестящее, составил разве что его Арнольд Крамер из драмы Гауптмана — впрочем, актер вообще мало играл "нерусские роли". Причина, разумеется, заключалась не в каком-то его русофильстве. Как русскому интеллигенту, как артисту Художественного театра ему не могло не быть чуждо всякого рода национальное самодовольство. Но уж очень русской была его внешность, а главное — сама его актерская и человеческая природа.

В искусстве Москвина не было и следа слащаво патриархальных красок, он способен был с беспощадностью и болью обрушиваться на страшные, дикие черты своего народа. Его Фома Опискин, запечатлевший позор распутищины, его жутковатый Черваков из пьесы Леонова, его разудальный безобразник Хлынов — характеры не менее русские, чем блаженный Федор или гордый "Мочалка" Снегирев.

В своей книге Е. Полякова не скрывает тех, к счастью, немногих, страниц жизни Москвина, которые не слишком радуют современного биографа, но тем не менее составляют неотъемлемую — что было, то было — часть российской истории XX века. Как многие корифеи Художественного театра, и не его одного, Москвин позволил вовлечь себя в круг сталинского официоза, сделать из себя живое подтверждение мудрости государственной культурной политики, ее укорененности в национальной традиции. Совсем не желая любой ценой оправдывать своего нежно любимого героя, автор книги в то же время решительно отказывается действовать в приемах излюбленного ныне жанра — сладострастной пляски на могилах знаменитых покойников, когда их грехи, вольные и невольные, подлинные и мнимые, оказываются много важнее того истинно великого, что ими было сделано в искусстве — как до, так и после революции.

Суть и стиль этого жизнеописания Москвина определяют полное отсутствие всякой суетности, спокойное достоинство. У книги Поляковой ровное, сильное дыхание, ее страницы полны душевного покоя и внутреннего света. Читать ее — польза для ума и отдохновение для души.